

УДК 130.2

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СВЕТЕ ВОЗЗРЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИКОВ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализирована проблема преемственности культурной традиции в русле воззрений современных отечественных и западноевропейских теоретиков. Выявлено, что в отечественной историографии традиция рассматривается преимущественно как информационная и деятельностная характеристика культуры (Э.С. Маркарян); в западной литературе традиция понимается как ценностно-дискурсивная система культуры (Э. Шилз). Сравнительный анализ текстов исследователей показал, что в обеих интерпретациях культурная традиция рассматривается как значимая сущность жизни человека и общества, динамичная и пластичная форма ее выражения. Сделан вывод о том, что процесс преемственности культурной традиции включает консервативную часть – накопление и перетекание старого опыта в новый; креативную часть – аккумуляцию полезного опыта в старом контексте и перенос его в новые реалии. Культурная традиция предполагает дискурсивную форму ее сохранения и трансляции.

Ключевые слова: культура, традиция, Э.С. Маркарян, Э. Шилз, преемственность культурной традиции.

Современное поколение, несмотря на несомненную самобытность, переживает время беспрецедентного распада традиции. Будучи погруженным в виртуально-сетевое пространство, пользователь Интернета начинает с трудом формировать собственные убеждения, ценностные представления, модели поведения и институциональные связи. Такое суждение справедливо для нынешнего поколения как западного, так и российского типа общества. В связи с этим растет исследовательская востребованность выяснить, как в новых информационно-сетевых условиях жизни человека и общества возможно сохранить ценностный потенциал культурных и социальных традиций, какими путями осуществлять их передачу следующему поколению. Обращение к культурологической рефлексии отечественных и западных теоретиков может оказаться полезным для размышлений по поводу возможной опасности разрыва традиций. Об этом задумываются исследователи самых разных направлений. Психологов волнует тот факт, что деятельность как образ жизни личности, сложившийся в индустриальную и постиндустриальную эпоху, претерпевает сегодня существенную трансформацию [4]. Лингвисты фиксируют тенденцию «размывания» традиций общения под воздействием глобализационных процессов, идущих поверх исто-

рических, географических и эстетических характеристик национальных языков [3]. Социологи ратуют за культурную традицию как важный способ сохранения баланса сил в информационном обществе [7].

В отечественной историографии, посвященной изучению культурной традиции, большой вес имеют труды Эдуарда Саркисовича Маркаряна (1929–2011) и его последователей. До исследовательских изысканий Маркаряна в культурфилософской среде сложились две точки зрения в понимании природы культурной традиции. Одни авторы предпочитали разводить понятия «традиция» и «обычай». Справедливо признавая функциональную общность обоих компонентов культуры, выполняющих роль стабилизации и воспроизводства общественных отношений, они различали способы передачи накопленного опыта: обычаи делают это непосредственно, в конкретных ситуациях, а традиция не имеет детальных предписаний, поскольку традиция – это установления, поддерживаемые силой общественного мнения (И.В. Суханов). Другие авторы понимали под традицией формы исторически накопленного человеческого опыта. В их интенции, формы человеческого опыта передавались из поколения в поколение не столько через предписания, сколько путем копирования и воспроизведения целостных фрагментов прошлого (Д.М. Угринович) [5, с. 151–152].

Сам Маркарян, пытаясь уйти от односторонних трактовок традиции, рисует ее как интегральное явление, включающее обычаи, ритуалы и весь ряд социально стереотипизированных форм человеческой деятельности. Традиция, в интенции Маркаряна, представляет собой информационную характеристику культуры, это – «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [там же, с. 153]. В таком понимании культурная традиция рассматривается подвижно, пластично. С одной стороны, традиция есть механизм функционирования феномена культуры, основа фундаментального принципа самоорганизации. С другой стороны, традиция есть деятельностно-информационный ресурс культуры, помогающий соединять прошлое и настоящее. Исследователи творчества Маркаряна подчеркивают, что он в числе первых стал анализировать категорию человеческой деятельности в качественно новой системной интерпретации, идущей в унисон с системным переосмыслением понятия культуры [1, с. 37].

Такая позиция во многом созвучна теории деятельности, разработанной советскими психологами. Под деятельностью, в русле воззрений психологической школы А.Н. Леонтьева, подразумевается система различных форм реализации отношений субъекта к миру объекта. Деятельность совершается в интересах субъекта, но при этом она всегда направлена на объект. В интенции психологов, объект, изначально нейтральный, активируется тогда, когда субъект обращает на него вни-

мание, и становится предметом человеческой деятельности. Рассуждая подобным образом, отечественные психологи доказывали неразрывную связь субъекта и объекта деятельности: если, благодаря деятельности, объект становится предметом, то деятельность, в силу наличия предмета, приобретает направленный характер. При этом в структуре деятельности выделяются две ее составляющие: ориентировочная и исполнительная. Ориентировочная составляющая, на основе сконструированного образа действительности, по мнению психологов, опережает исполнительную составляющую, которая, в свою очередь, отвечает за результат выполнения действий в соответствии с целью [2].

Получается, что российские психологи и культурологи шли и продолжают идти в схожем направлении. Для представителей деятельностного подхода в психологии первостепенное значение имеет ориентировочная функция различных форм деятельности. Именно с ней они связывают осуществление и активацию всех психических процессов. Для представителей деятельностного подхода в культурологии преемственность культурной традиции – это результат активности субъекта, это процесс накопления и перетекания старого опыта в новый (консервативная составляющая); это процесс аккумуляции нового в прежнем контексте и перенос его в новый контекст (креативная составляющая). В интерпретации Маркаряна, механизм динамики традиции включает два состояния – опыт новационный и стереотипизированный, т.е. принятый индивидом и сообществом. Интересно, что еще задолго до Интернета и информационно-сетевых глобализационных явлений в статье «Культурная традиция и задачи дифференциации ее общих и локальных проявлений», (1978) Маркарян отмечает новую тенденцию в общественной жизни людей. «Правда временные интервалы действия стереотипизированных, социально организованных форм опыта стали, как правило, несравненно короче, чем в эпоху традиционалистского развития общества» (цит. по: [1, с. 44]. Межпоколенная передача опыта как устойчивый признак культурной традиции начинает уступать место внутривнутрипоколенной передаче опыта. Маркарян улавливает не только увеличение скорость передачи опыта, но и рост разного ряда информации, усложнение выраженных в этих формах типовых вариантов культурной традиции.

В зарубежной историографии значимы изыскания американского исследователя Эдварда Шилза (1910–1995). В его работе «Традиция» (1981) обобщен накопленный западными теоретиками опыт изучения проблемы и предложена оригинальная авторская версия. Шилз понимает традицию максимально широко. Это все, что передается от прошлого к настоящему. Решающим критерием является то, что, будучи сотворенным посредством человеческих действий, через мышление и воображение, опыт передается от одного поколения к следующему. Культурная традиция включает в себя все, чем общество данного времени обладает, и то, чем оно обладало ранее [8, с. 12].

В интенции Шилза, в буквальном смысле этого слова, все способно стать традицией – материальные объекты (здания, памятники, пейзажи, скульптуры, картины, книги, инструменты, машины), практики и учреждения, свидетельства людей и событий [там же, с. 16]. Когда традиция принимается, она жива и жизненно важна для всех, кто принимает ее как любую другую сферу своих действий и убеждений. Те, кто принимают традицию, не обязательно задумываются об этом. Ее приемлемость может быть для них очевидной. «Традиция – это прошлое в настоящем, но оно является такой же частью настоящего, как и любая очень недавняя инновация», – пишет американский теоретик [там же, с. 13]. Традиция, по Шилзу, – это устойчивая центральная система ценностей. Эта система утверждается и транслируется элитами экономической, политической, образовательной, религиозной подсистем и институтов общества.

Рассматривая культуру как интегрирующий фактор жизни человека и общества, Шилз выделяет две ее формы: главную (центральную) и вариантную (периферийную). Для устойчивого функционирования центральная культурная система должна держаться традиций, сориентированных на поддержание действующего институционального порядка. Как может показаться на первый взгляд, Шилз солидаризируется с российскими представителями деятельностного подхода в культурологии, говоря, что центральная культура есть явление сферы деятельности человека и сообщества. Однако он не останавливается на этих выкладках и движется дальше, говоря о центральной культуре как базовой системе ценностей. «Центр – явление сферы ценностей, символов и представлений, которые регулируют жизнь общества в целом. Центральная зона чем-то связана с сакральным началом» [6, с. 162]. Под сакральным понимаются некие устойчивые веровательные представления, сохраняющие свое регулятивное значение, пусть и в смягченных, неявных и размытых формах. Власть связана по своей природе с сакральным началом. Признавая это, Шилз считает, что традиция как центральная система ценностей имеет более глубокие корни, чем власть, связана с более фундаментальным началом. Власть – носитель порядка, принципы которого выходят за пределы ее природы и выполняют регулятивную функцию. Культурная традиция как ценностный потенциал конкретного общества является тем стандартом, на основе которого, собственно, и оценивается существующая власть. Отсутствие конфликта в обществе и культуре можно определить по общей тональности к власти, справедливо отмечает Шилз [там же, с. 163].

В случае расхождения между ценностями центральной культуры и ее периферийных форм, институциональная система начинает утрачивать свою законность, что ведет к социальному конфликту и нарушению социального порядка. Желая оставить за собой властные полномочия, доверие населения и контроль за смысловой системой ценностей, центральная элита оказывается бессильной удерживать власть. «В этом

случае, если она теряет одно тонкое, но весьма важное качество – свою харизму, эта утрата нередко влечет за собой потерю всех остальных признаков власти», – пишет теоретик [там же, с. 164]. Как сторонник концепции равновесия, Шилз надеется, что культурная традиция способна удерживать социальный порядок и восстанавливать его при нарушении его равновесия.

Шилз подчеркивает темпоральность культурной традиции: она сохраняется, претерпевая, конечно, очевидные изменения, в течение достаточно короткой цепи передач – в жизни трех поколений. Континуум традиции включает в себя более десятка базовых элементов и массу характеристик, временно привнесенных силой обстоятельств. Парадокс понимания традиции заключается в том, что сам носитель традиции не может адекватно оценить значимость тех или иных ее элементов. Только «внешний наблюдатель» на разных этапах передачи и владения традицией способен распознать ее существенные элементы. Традиция сохраняется тогда, когда люди испытывают чувство идентичности, чувство принадлежности, чувство привязанности или непрерывности. Это чувство того, как человек «связан» с непрерывной цепочкой поколений, имеющих некое общее качество [8, с. 14].

Кто заинтересован в сохранении традиции? Задаваясь этим вопросом, Шилз отвечает, что традиции не являются самостоятельной, самовоспроизводственной или самостоятельной работой. Только человеческие существа, движимые своими знаниями и желаниями, могут вводить их, хранить, воспроизводить и модифицировать. Традиции развиваются, потому что у тех, кто приобретает и обладает ими, есть желание создать что-то более верное, лучшее или более удобное. По наблюдениям Шилза, в формировании и сохранении традиции заинтересованы в первую очередь элиты центрального смыслового горизонта – представители администрации, религии, деятели искусств, философы, работники образования, ученые, юристы и др.: «Власть культивирует одобрение к себе, потому что это поднимает уровень ее священности, абсолютности» [6, с. 165]. Традиции же ослабевают в силу потери их приверженцев. Это может происходить несколькими путями: во-первых, сами носители традиций перестают их демонстрировать и поддерживать, потому что предпочитают новые линии поведения; во-вторых, новое поколение перестает принимать старые традиции в силу того, что они перестают соответствовать их ценностям; в-третьих, традиции исчезают тогда, когда относительно новые убеждения становятся более приемлемыми, в соответствии с новыми сложившимися стандартами [8, с. 15].

Ключевым выводом в исследовании Шилза является мысль о том, что традиция есть продукт прошлого, необходимый для настоящего. Почему прошлое держит настоящее в своих руках? На этот вопрос Шилз отвечает специфично. Для него есть два прошлого. Первое – это последовательность произошедших событий и их эффект, достигший

настоящего времени. Это прошлое зафиксировано в институтах семьи, школы, церкви, партий, фракций, армий и администраций; в знаниях, в искусстве, литературе, философии; в технологиях, материальных объектах. Это реальное прошлое, которое произошло и оставило свои следы. Второе прошлое – это «воспринимаемое прошлое». Это гораздо более пластичная вещь, более способная быть ретроспективно реформированной человеком. Это прошлое, которое записано в памяти человека и общества в письменной форме, сформировано из встреч с «твердыми фактами», причем не только из неизбежных встреч, но и из ожидаемых [там же, с. 195]. Иными словами, для Шилза культурная традиция держится на потенциале ценностно-дискурсивных возможностей человека.

Сравнительный анализ текстов российских и западных теоретиков показал, что во всех интерпретациях культурная традиция рассматривается как значимая сущность жизни человека и общества, как динамичная и пластичная форма ее выражения. Процесс преемственности культурной традиции включает две составляющие – консервативную (накопление и перетекание старого опыта в новый) и креативную (аккумуляция нового опыта в прежнем контексте и перенос его в новый социальный порядок). Выявлено, что отечественные теоретики традиционно акцентируют внимание на информационно-технологической стороне преемственности культурной традиции, западные теоретики – на ценностно-дискурсивной составляющей проблемы.

Список литературы

1. Бондарев А.В. Вклад Э.С. Маркаряна в становление отечественных культурогенетических исследований // Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб.: Центр гуманистических инициатив, 2014. С. 31–55.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: «ЧеРо», при участии издательства «Юрайт», 2002. 336 с.
3. Доррен Г. Лингво. Языковой пейзаж Европы / пер с англ. Н. Шаховой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 336 с.
4. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Личностные свойства профессионала в структуре психологических типов деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 1. С. 21–40.
5. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.
6. Шилз Э. Власть и ценности // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1998. 556 с.
7. Jacobs St. Edward Shils' Theory of Tradition // Sage Journals [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0048393107299685>

8. Shils Ed. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. [Электронный ресурс]. URL. <https://ru.scribd.com/document/339158375/Edward-Shils-Tradition-pdf>

SUCCESSION OF A CULTURAL TRADITION PORTRAYED BY CONTEMPORARY RUSSIAN AND FOREIGN THEORISTS

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The problem of succession of cultural tradition is analyzed in the perspective of comparison of contemporary Russian and Western European theorists' views. In the Russian theorists' works, cultural tradition is considered mainly as an information and activity characteristic of culture (E. Markaryan, etc.), while in Western literature tradition is understood as a value-discursive system of culture (E. Shils, etc.). Comparative analysis of the texts on this problem revealed that in both interpretations the cultural tradition is regarded as an essence of human and social life, a dynamic and plastic form of its expression. The process of continuity of the cultural tradition includes a conservative part expressed in the accumulation and flow of the old experience into a new one and the creative part consisting in the accumulation of useful experience in the old context and transferring it to new reality. Cultural tradition finds its expression in a discursive form permitting to preserve its achievements.

Keywords: *culture, tradition, Edward Markaryan, Edward Shils, the succession of cultural tradition.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет». E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – Ph.D., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru